

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА ВОЛГИНА В.П.
АКАДЕМИКА ТАРЛЕ Е.В.
И ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПАНКРАТОВОЙ А.М.

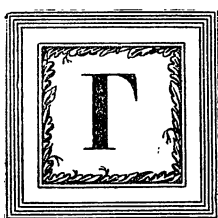

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

Проф. В. П. АВДНОВ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тромядные возможности, открывшиеся после Октябрьской революции перед советской исторической наукой, были всесторонне использованы советскими историками и археологами. Новые вопросы и проблемы были поставлены с несслыханной ранее свободой, смелостью и широтой. Если раньше историки обращали свое внимание почти исключительно на «русскую историю», на историю русского народа, то теперь они значительно расширили свой кругозор, подвергая внимательному историческому исследованию историческое прошлое всех народов, населяющих обширную территорию Советского Союза. Разумеется, в этом отношении особенно привлекали к себе внимание те народы, которые имели богатое историческое прошлое и в свое время сыграли крупную историческую роль. Именно поэтому историко-археологическое изучение Средней Азии стало одним из важнейших участков советской исторической науки.

Древние культурные страны Средней Азии — Гиркания, Бактрия, Согдиана были хорошо известны античным писателям. Геродот, Страбон, Диодор, Арриан и Курций Руф дали в своих трудах интереснейшие описания этих стран и народов, их населявших.¹ Из этих описаний мы узнаем, что многие области Средней Азии, благодаря своей плодородной почве и естественным богатствам, уже в древности были густо населены, что здесь существовали города и ключом била культурная жизнь. Во время своего похода в Азию Александр Македонский именно в этих областях — в Бактрии и Согдиане натолкнулся на особенно упорное сопротивление свободлюбивых и независимых народов Средней Азии. Ценнейшие сведения дают нам и китайские источники, в которых, в частности, описывается далекая западная страна Давань, как китайцы называли Фергану. Наконец, громадное историческое значение имеют труды арабских географов и историков, которые порой весьма подробно описывают историческое прошлое, быт и жизнь среднеазиатских народов. Все эти источники дают нам возможность проследить хотя бы в общих чертах линию развития тех народов, которые населяли со времен античной древности области Средней Азии. Однако все эти свидетельства иноземцев не достаточны для исчерпывающего изучения истории Средней Азии, так как они дают одностороннюю и очень неполную картину. Только археологиче-

¹ Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия под редакцией Л. В. Баженова. Ташкент 1940.

ское изучение подлинных памятников старины может восполнить эти лакуны. Поэтому советские ученые принуждены были обратить особенное внимание на археологическое изучение древностей Средней Азии и на организацию связанных с этим крупных археологических обследований, разведок и раскопок.

Свидетельства античных авторов, высокий уровень древней и своеобразной культуры, наконец архаические пережитки, сохранившиеся в некоторых языках среднеазиатских народов, давно уже наводили исследователей на мысль о том, что в Средней Азии должны были существовать древнейшие очаги человеческой жизни и культуры. Однако только благодаря недавним археологическим открытиям это предположение нашло себе полное и научное подтверждение. В 1938 г. археолог А. Окладников нашел палеолитическую стоянку в гроте Тешик-Таш в Байсунском районе, около кишлака Мачай, близ р. Турган-Дарьи (Узбекистан). В этом гроте были обнаружены кости различных животных: оленя, дикой лошади, горного козла, кабана, сурка, пищухи и пр. Особенно много было найдено костей горного козла, на которого, очевидно, главным образом охотились первобытные представители каменного века. Тут же было найдено и около 150 грубо сделанных рукой человека каменных орудий. Среди них следует отметить пластинчатые отщепы, дисковидные нуклеусы, рубящие орудия, массивные и небольшие скребки, изящные остроконечники и наковаленки. Наконец, особенный интерес представляют остатки детского скелета: череп, ребра, позвонки и кости конечностей, которые позволяют установить близкую аналогию с костью неандертальца мустьерской эпохи. Эти раскопки были продолжены в 1939 г. На верхней площадке грота Тешик-Таш были обнаружены кости животных, в частности крупного хищника, и каменные орудия, как, например, скребки, пластины, дисковидные нуклеусы и остроконечники, аналогичные мустьерским орудиям, найденным в Палестине. Другая палеолитическая стоянка была обнаружена Окладниковым в гроте Амир-Темир. Здесь был найден инвентарь, близкий к вещам из Тешик-Таша, в частности типичные мустьерские орудия: ручное рубило, дисковидный нуклеус и скребло. Имеются основания предполагать, что грот Амир-Темир был временным убежищем первобытного охотника, где им добывался камень для изготовления орудий. Эти археологические открытия произвели целую сенсацию в науке. Отныне можно с уверенностью говорить о том, что в Средней Азии люди жили с древнейших времен, даже со времени древнекаменного века.¹

Более поздняя стоянка конца палеолита или времени мезолита была раскопана М. В. Воеводским в Самарканде в 1939 г. Здесь было найдено несколько кострищ, кости животных, главным образом дикой лошади и верблюда, и отходы производства древнего человека: отщепы, пластинки и нуклеусы. Очевидно, это было временное поселение первобытных людей, расположенное на берегу ложбины небольшого ручья.²

Наконец, на территории Туркмении были обнаружены стоянки первобытных охотников, которые пользовались орудиями микролитического типа. Такие же стоянки были найдены в Каракумской пустыне, в Кызыл-Такыр, в Дуз-Юзи и на побережье Каспийского моря. Можно думать, что эти стоянки относятся к самым первым стадиям неолити-

¹ Окладников А. Находка неандертальца в Узбекистане. ВДИ, 1939, № 1, стр. 256—257. Е го же. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане. Кратк. сообщ. ИИМК, 1939, № 2. См. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 330—331.

² ВДИ, 1940, № 1, стр. 208.

ческой эпохи.¹ Большой научный интерес представило далее углубленное научное изучение памятников так называемой культуры Анау, относящейся ко времени халколита и бронзовой эпохи. Как показали дальнейшие раскопки, оригинальная и своеобразная культура Анау существовала на обширных территориях Средней Азии. Памятники типа культуры Анау были найдены в Ак-Тепе близ Ашхабада, в Намазга-Тепе близ Каахка, в бассейне р. Зеравшана, в районе Термеза и даже в Ферганской долине. Эти памятники были найдены главным образом в предгорьях, там, где маленькие горные речки выходят на равнину. Очевидно, именно в таких естественных условиях возникали древнейшие формы искусственного орошения у тех племен, которые постепенно переходили от охоты и скотоводства к земледельческому хозяйству.²

Переход от примитивных форм кочевого хозяйства древнего охотника и скотовода к более высоким формам земледелия, основанного на искусственном орошении, происходил во всех странах древнего Востока в V—IV тысячелетиях до н. э. Приблизительно в эту же эпоху появляется металлургия, главным образом обработка меди, а впоследствии бронзы. Крупный рост производительных сил приводит к развитию и усложнению хозяйства в целом, возникает древнейшая меновая торговля, появляются примитивные формы домашнего рабства, создаются все предпосылки для возникновения древнейшего классового общества. Именно поэтому изучение эпохи халколита и ранней бронзы представляет громадный научный интерес не только для археолога, но также и для историка. А изучение древнейших памятников этих эпох на территории Средней Азии проливает новый и неожиданный свет на все эти исторические проблемы и в то же время дает возможность установить типологическую и историко-культурную связь между Средней Азией и древним Востоком. Громадное научное значение в этом отношении имели раскопки в Хорезме, которыми в течение последних лет руководил С. П. Толстов.³

Хорезмская экспедиция в течение трех лет (1937—1939) производила крупные археологические работы на территории Кара-Калпакской республики, на землях древнего орошения близ Кызыл-Кумской пустыни, а также вдоль берега Аму-Дарьи. Здесь в мертвых песках Кызыл-Кумов археологам посчастливилось найти древнюю неолитическую стоянку Джанбас-Кала № 4 с памятниками своеобразной культуры, получившей название кельтеминарской. Среди находок следует отметить кости рыб и диких животных: дикой свиньи, оленя, косули, черепахи. Орудия, найденные здесь, относятся к типу микролитовидных. Это по большей части вкладыши для костяных или деревянных орудий, концевые скребки, проколки, скобели и мелкие наконечники стрел. Особенный интерес представляет керамика — глиняные сосуды, украшенные разнообразным штампованным и штриховым орнаментом, заключенным в кольцевые зоны. Имеются все основания предполагать, что эта керамика близка к степным культурам халколита восточной Европы и сев.-зап. Азии, в частности к афанасьевской культуре южной Сибири. Однако эта керамика неолитического Хорезма значительно архаичнее. На ряду с ней большой интерес представляют

¹ Марущенко А. У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 71—74.

² Букин Д. Д. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. Туркменоведение, 1929, № 5 (см. ВДИ, 1938, № 1, стр. 181).

³ Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3. Его же. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1.

найденные Толстовым большие остродонные чаши, сохранившие следы красной краски. Эти чаши можно сближать с керамикой из Анау, что позволяет установить связь между древнейшим Хорезмом и великими переднеазиатскими культурами.¹

Более поздние памятники были найдены около Тешик-Кала и Джанбас-Кала. Эти памятники относятся к третьей культуре первобытного Хорезма, получившей название амирабадской культуры. Здесь следует отметить грубые толстостенные сосуды, иногда украшенные по краю слочным орнаментом. Эту своеобразную керамику можно сближать с доскифской керамикой Северного Кавказа. Эта аналогия дает основания Толстову предполагать «связь алано-сарматских племен и древнего населения Прикубанья с массагетскими племенами Приаралья». В этом отношении большой исторический интерес приобретает проблема сравнительного изучения тех пока еще не многочисленных данных, которые позволяют говорить о некоторой связи между хорезмийским, аланским и осетинским языками.

Не меньший, если не больший, научный интерес представляет историко-археологическое изучение памятников хорезмийской античности, открытых экспедицией Толстова. Это по большей части развалины крепостей и укрепленных поселений, относящиеся к первым векам нашей эры и значительно отражающие сильные эллинистические влияния. Хорошо сохранившиеся бойницы, стены и башни и различные оборонительные сооружения дают прекрасное представление о развитии крепостного строительства в эту эпоху. Детальное историко-археологическое изучение этих развалин дает возможность проследить отдельные этапы этого развития и установить цепь различных культурных влияний и пережитков. Так, например, в крепостях Кургашин-Кала и Аяз-Кала № 1 сохранился древний способ защиты крепостного угла двумя сомкнутыми башнями, образующими в плане форму, напоминающую ласточкин хвост. Этот тип углового укрепления, несомненно, восходит к древневосточной фортификации. Чрезвычайно близки к оборонительным укреплениям ворот древнеегипетских крепостей привратные укрепления, выступы и башни хорезмийских крепостей Джанбас-Кала и Аяз-Кала. Но на ряду с этим следует отметить своеобразные местные черты хорезмийской фортификации, отличающейся большим архаизмом. В этом отношении характерно полное отсутствие башен и замена их бойницами в Джанбас-Кала, а также ряд других элементов крепостной техники. Помимо «античных крепостей» здесь были обнаружены древние городища того же времени, остатки небольших укрепленных городков или поселений, в которых цитадель уже выделена из остального города и образует как бы особое мощное укрепление.

В развалинах этих интереснейших архитектурных памятников «хорезмийской античности» С. П. Толстову повезло найти довольно много предметов, среди которых следует отметить множество прекрасных терракот, относящихся к концу дохристианского периода и к началу н. э., а также фрагменты сосудов с рельефными изображениями. Все эти памятники искусства позволяют говорить о своеобразном, порой высокохудожественном творчестве древних хорезмийцев, впитавшем художественные влияния античного мира и ахеменидского Ирана. Для датировки этих памятников большое значение имеют найденные в развалинах кушанские монеты II в. н. э. и раннехорезмийские монеты III в. н. э.

¹ Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941. № 1, стр. 158—159.

В 1939 г. Хорезмийская экспедиция внимательно обследовала и частично раскопала развалины большого укрепленного поселения Джанбас-Кала, относящегося к кангюйскому и раннекушанскому времени (III в. до н. э. — I в. н. э.). Раскопки обнаружили здесь остатки двух сплошь застроенных жилых массивов, разделенных широкой улицей или длинной площадью, идущей от ворот, которые защищены своеобразным предвратным укреплением. В каждом из этих массивов было по 200 небольших, соединенных между собой жилых комнат. По мнению Толстова, в этих массивах жили родственно связанные между собою роды, а все поселение отличалось дуальной организацией племени, разделенного на две экзогамные фратрии. Если это предположение будет подтверждено дальнейшими раскопками и исследованиями, то этот интереснейший факт прольет яркий свет на своеобразный архаизм древнехорезмийской культуры, долго и прочно сохранявшей пережитки глубокой древности. Большой научный интерес представляет и обнаруженный во время раскопок Джанбас-Кала храм огнепоклонников, или, вернее, общинное святилище огня, «дом огня», как позднее стали называть это святилище. Оно помещалось в небольшой угловой комнате, в середине которой находилось овальное возвышение, очевидно жертвенник. Вдоль стены шла узкая кирпичная скамья. В соседней комнате, очевидно служившей для общественных собраний и трапез, было найдено много обломков костей животных и черепков бытовой посуды. В развалинах Джанбас-Кала было найдено много интереснейших предметов. Среди них следует отметить большое количество архаических терракот со следами ахеменидских ахеменидских и раннеэллинистических влияний, ручки сосудов со штампованными львиными мордами, бронзовые трехгранные наконечники стрел позднескифского типа и различные украшения.

К несколько более позднему времени относится архитектурный комплекс Аяз-Кала, состоящий из трех крепостей и довольно большого поселения. Повидимому, центром всего этого населенного района была расположенная на скале крепость Аяз-Кала, занимающая выгодное стратегическое положение на подступах к Хорезму. Судя по полукруглой форме башен, эта крепость может быть отнесена к кушанской эпохе (II—IV вв. н. э.). Однако она использовалась и в более поздние времена. Найденная здесь керамика XI—XIII вв. говорит о том, что эта крепость имела военное значение даже в эпоху «великих хорезм-шахов». На ряду с тремя крепостями были обнаружены и довольно большие усадьбы. Очевидно, в эту эпоху уже выделялась крупная родовая аристократия, представители которой жили в сильных замках, в то время как отдельные большие семьи занимали усадьбы, расположенные в поселке. Таким образом, изучение этого своеобразного архитектурного комплекса позволяет судить о процессе распада родового строя в первых веках н. э. на территории античного Хорезма. Интересные результаты дали раскопки жилого дома в усадьбе № 1. Здесь были обнаружены хозяйственные хранилища, своеобразные ульевидные печи (гандыры), типичная для кушанского времени керамика, бронзовые перстни, украшения и монеты кушанского царя Канишки.

Далее Хорезмская экспедиция подвергла историко-археологическому обследованию зону мертвого Беркут-Калинского канала. Здесь было описано и нанесено на план 96 замков и укрепленных усадеб и раскопан укрепленный двухэтажный замок № 36 с его многочисленными комнатами. Судя по некоторым находкам, этот замок может быть отнесен к афригидской эпохе (VIII—X вв. н. э.). Особый инте-

рес представляет здесь небольшая, перекрытая куполом пристройка, служившая, по мнению Толстова, специальным помещением для хранения неразложившихся трупов (ката), предусмотренным древнеперсидским, зороастрийским погребальным ритуалом. При раскопках в этом доме были найдены семена культурных растений, кости домашних животных, остатки тканей, войлока, кожи, дерева, глиняной посуды и много алебастровых оссуариев на высоких ножках.

Наконец, были обследованы многочисленные укрепленные поселения, расположенные вдоль арыка Чермен-Яб, относящиеся к эллинистическому времени, а также средневековые крепости (XI—XIII вв.), построенные вдоль берегов Аму-Дарьи от Чарджоу до Турткуля. Среди этих последних памятников особенный интерес представляет городище Кюзели-Гыр, где были найдены своеобразная примитивная керамика и стрелы скифского типа, которые позволяют относить все это городище к ахеменидской эпохе.

Как ясно показал этот краткий обзор, историко-археологическое обследование Хорезма, производившееся Толстовым, имеет очень большое научное значение, так как оно открыло новую страницу в истории древнего и средневекового Хорезма. Эти раскопки дали возможность на основании большого найденного материала изучать материальную культуру и даже в некоторых случаях историю древнего Хорезма, где в своеобразных формах и под некоторыми иноземными влияниями складывалась своеобразная местная культура, особенно интересная для эпохи перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому изучение древнего Хорезма представляет громадный научный интерес в связи с изучением истории и культуры застойных древневосточных обществ раннерабовладельческого периода. Средняя Азия занимает срединное положение между великими государствами и народами, существовавшими на территории Китая, Индии и Ирана.

Таким образом, Средняя Азия является как бы центром и сердцем Азии, соединявшим высококультурные народы Восточной, Южной и Передней Азии с отсталыми кочевыми племенами, жившими на территории Центральной Азии и Сибири. Через Среднюю Азию шли издревле важные торговые караванные и водные пути, соединявшие Азию с Европой и Северной Африкой, в частности с бассейном Средиземного моря. Поэтому именно в Средней Азии с эллинистической эпохи, а может быть и раньше, процветали большие поселения и даже города, лежавшие на стыке торговых путей и поэтому имевшие огромное политическое, культурное и экономическое значение. Само собой разумеется, что историко-археологическое исследование развалин этих городов имеет огромное значение для изучения не только Средней Азии, но и всех соседних с нею стран, начиная с эпохи Ахеменидов и кончая поздним средневековьем. В развалинах некоторых древних городов здесь можно проследить целый ряд культурных слоев, начиная с эпохи неолита и кончая мусульманской и монгольской эпохами. Таким древним торговым городом был Термез, расположенный на Аму-Дарье. Разумеется, что раскопки Термеза и окружающего его района, производившиеся Термезской археологической комплексной экспедицией в 1936—1938 гг. под руководством М. Е. Массона, имеют очень крупное научное значение. Эти раскопки производились тщательно, систематически, с большим знанием дела и потому дали очень ценные научные результаты.¹

¹ М а с с о н М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Кратк. сообщ. ИИМК, Москва 1940, № 8. Термезская комплексная археологическая экспедиция. Труды УЗФАН. Ташкент 1940.

Во время этих археологических работ были подвергнуты серьезному обследованию различные объекты. Главное внимание было обращено на приамударыинскую часть городища. Но на ряду с этим работники экспедиции изучали памятники первобытной эпохи, буддийские монастыри на возвышенностях Чингизтепа и Каратепа, городище Айртам, раскапывали мечеть IX в., дворец термезских правителей XI—XII вв., квартал металлостов, а также ряд других пунктов и памятников.

Судя по находкам предметов каменного века, район Термеза был населен со времен глубочайшей древности. Так, на городище Айртам были найдены эпипалеолитические орудия, а на самом городище старого Термеза были обнаружены кремневые орудия, типичные скребки и lames, относящиеся ко времени халколита или даже, может быть, неолита. А на платформе Дунь-Тепе были найдены фрагменты древней крашеной керамики типа Анау, очевидно относящейся к бронзовой эпохе.

Однако более или менее полную картину жизни древнего Термеза можно получить лишь при изучении находок эллинистической греко-бактрийской эпохи. Очевидно, первоначальный город находился на месте средневековой цитадели и занимал около 10 га. Самыми ранними датированными находками здесь являются греко-бактрийские монеты III—II вв. до н. э. Изучение крепостных стен обнаружило несколько периодов кладки из крупных сырцовых кирпичей дофеодальной эпохи, что указывает на длительное существование этой крепости. К несколько более позднему времени относятся находки на городище Айртам, расположенном в 17 км к востоку от Старого Термеза. Здесь было раскопано святилище, в котором еще в 1933 г. был найден интересный скульптурный карниз и фрагмент статуи Будды. Рядом было обнаружено соседнее помещение, которое, судя по находившемуся здесь хозяйственному инвентарю — корчагам для хранения пищи и отстоя воды, было кухней при святилище. Среди находок здесь следует отметить разнообразную керамику, толстостенные хумы, огнеупорные котлы, кувшины, миски, светильники, терракотовые фигурки животных и людей, культовые вещи, архитектурные детали и, наконец, монеты, относящиеся к началу н. э.

На площади Дунь-Тепе, входившей в состав более позднего шахристана (собственно города), были найдены интересные предметы, в частности важные для датировки этого слоя монеты типа Васудева. Судя по целому ряду данных, Термез рабовладельческой эпохи достиг наивысшего расцвета именно в кушанский период. К этому времени относится постройка внешних стен, окружавших два больших буддийских монастыря.

Археологическое обследование и раскопки холма Кара-Тепе и поселения близ Чингис-Тепе установили здесь наличие двух древнебуддийских пещерных монастырей, напоминающих знаменитые монастыри Бамиана. На ряду с индивидуальными пещерами (кельями) были обнаружены и более крупные пещеры, имевшие значение общественных помещений. На холме Кара-Тепе были раскопаны и развалины крупных наземных сооружений, большие монастырские здания, очевидно училище, реликварий, место собраний (вихара, ступа, сангарам). Здесь были найдены статуэтки, в частности боддhisатвы, а также изображения буддийских ступ, нацарапанные на стенах пещер, керамика и монеты, относящиеся к первым векам н. э. Судя по некоторым найденным здесь фрагментам буддийских статуй и статуэток, эти монастыри существовали вплоть до VIII в. н. э.

Большой и ценный материал дали раскопки более поздних культурных слоев, относящихся к феодальной эпохе. Остатки мечети, раскопанной близ минарета 1032 г., могут быть отнесены к X—XI вв. Своеобразная отличительная черта архитектурного плана этой мечети — две открытые с угла и две закрытые стороны. Ее михраб (святылище) состоит из девяти полуколонок, образующих как бы гофрированную поверхность. Временем расцвета средневекового Термеза были XI—XII вв., когда были заново укреплены стены цитадели, город был окружен новыми внутренними стенами, а предместье было заново распланировано, причем ремесленные кварталы особенно разрослись. Большой интерес для изучения экономики того времени представляют результаты раскопок этих кварталов, где жили металлисты, стеклодувы и керамисты. Здесь были найдены керамический и стекольный шлаки, производственный брак и крицы сыродутого железа весом до 5 кг, различные железные изделия, торговые и жилые помещения мастеров. Подробное изучение находок показало, что ремесленный квартал существовал очень долго — от кушанской эпохи и вплоть до XIII в. н. э. Недалеко от этого квартала находились и дома термезских богачей. В юдном из них была раскопана парадная комната с полом узорной кладки, с такой же панелью и окошной решеткой, украшенной вставленными осколками разноцветного стекла. Наконец, особенное внимание было обращено на археологическое изучение загородного дворца термезских правителей, который находился в восточной части старого Термеза и может быть датирован XI—XII вв. н. э. Развалины этого дворца привлекали археологов еще в 1927 г., когда экспедиция Музея восточных культур под руководством Б. П. Денике начала обследование этих интересных развалин средневекового Термеза. В 1937 г. раскопки были возобновлены в значительно более крупном масштабе. Во время раскопок были обнаружены выложенный кирпичом водоем, приемный зал с роскошными штукowymi украшениями и расчищен северный боковой павильон, где были найдены стеклянные декоративные медальоны с надписями, розетками и различными изображениями.

Таковы важнейшие результаты раскопок Термеза. Они дали возможность не только изучить историю этого важного среднеазиатского города начиная с первых веков н. э., но и поставить целый ряд крупных исторических проблем, связанных с вопросом о культурных взаимодействиях между Средней Азией, Индией, Ираном и античным эллинистическим миром.

Довольно значительные археологические работы были произведены на территории Ферганы в 1939 г. во время строительства Большого Ферганского канала. Экспедиция, состоявшая из 33 научных и технических сотрудников под руководством М. Е. Массона, производила археологическое обследование местности на трассе канала длиной в 270 км в течение 1½ месяцев. Подвергся обследованию большой культурный слой, который иногда тянется непрерывно на протяжении до 10 км. Наиболее богатыми в археологическом отношении оказались северо-восточные участки трассы. Здесь было обнаружено много городищ, несколько поселений и могильники, а также было сделано много отдельных находок. Особенный интерес представил древний археологический комплекс, в котором были обнаружены зернотерки, грубая керамика, сделанная без гончарного круга, сосуды с процарапанным орнаментом, каменные песты и ступки. Этот комплекс охватывает всю обследованную территорию и может быть отнесен к I тысячелетию до н. э. Далее следует отметить гончарную мастер-

скую с обжигательной печью, которая относится к первым векам н. э., и металлические шлаки, найденные на средневековом городище IX—XII вв. Возможно, что в эту эпоху здесь находилась мастерская металлостов. Таким образом, во время этих раскопок были найдены памятники различных эпох, начиная со 2-й половины I тысячелетия до н. э. и кончая XVII в. н. э. Для датировки более древних памятников большое значение имеют найденные монеты греко-индийского чекана, бухархударты и др., среди которых встречаются редкие экземпляры. Эти раскопки на трассе Ферганского канала ясно показали, что вся почва Ферганы насыщена большим количеством ценнейших памятников древности, еще ждущих своего исследования.¹

Археологическое обследование в Фергане, в долинах рек Сох и Шахимардан, производил в 1939 г. М. Воронец. Здесь были обследованы четыре городища, в которых были найдены тонкостенная ангобированная керамика, зернотерки и поздняя глазурованная керамика. Отмечены были шесть групп курганов различных типов и обнаружены интересные наскальные изображения, среди которых на ряду с более поздними встречаются образцы древнего реалистического искусства. Наконец, были найдены четыре группы древних горных выработок, в том числе медных и ртутных.²

Довольно значительный археологический материал для изучения древней истории Узбекистана был найден во время раскопок в Янги-Юльском районе Г. В. Григорьевым в 1937—1939 гг. Здесь было подвергнуто археологическому изучению городище Каунчи-Тепе и соседние курганы, расположенные между рр. Чирчиком и Боз-Су вдоль арыка Джун. Во время этих раскопок было вскрыто 12 курганов, относящихся к трем эпохам. Наиболее древние курганы с погребениями в скорченном положении и плоскостными широкогорлыми сосудами относятся ко времени поздней бронзы. Более поздними являются коллективные погребения с узкогорлыми сосудами, плоскими мисками и грушевидными кружками, которые можно датировать серединой I тысячелетия до н. э. Наконец, в третью группу входят катакомбные, главным образом парные погребения. При мужских костяках здесь были найдены железные мечи, массивные кинжалы, стрелы и костяные обкладки луков, а при женских скелетах — бронзовые зеркала, навершие костяного гребня, бронзовая фибула, бронзовые и железные перстни, а также разные украшения. Среди бытовых предметов следует отметить железные ножи, глиняные сосуды и выючные фляги. Эти последние погребения, судя по найденным вещам, относятся к III—IV вв. н. э.³

В 1936 г. экспедиция Узбекского исторического музея под руководством Г. В. Григорьева обследовала окрестности Самарканда, в частности древнее городище в кишлаке Фринкент, расположенное в междуречье Зеравшана. Тут были обнаружены остатки древних стен и зданий, но особенный интерес представили раскопки зороастрийского костехранилища оссуариев с огромным количеством различных сосудов, расположенных иногда в три ряда. Здесь были найдены голубые поливные сосуды, бирюзовый изразец и бирюзовый светильник на высокой ножке, а также фрагменты сосудов с белой поливой и типичным орнаментом XIII в. Все это доказывает, что данное костехранилище существовало очень долго, вплоть до XIII в., в связи

¹ ВДИ, 1940, № 1, стр. 209.

² Там же, стр. 208.

³ Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент 1940.

с длительным пережиточным сохранением древних форм зороастрийского культа.¹

Наконец, в Бухаре, в районе Зеравшана, в 1937—1938 г. производил раскопки В. А. Шишкин. В 35 км к северо-востоку от Бухары, в пустыне Кызыл-Кум, на городище Варахша были обнаружены развалины дворца, помещения которого были украшены богатейшей штукатурной декорацией. На ряду с геометрическим и растительным орнаментом здесь сохранились горельефные изображения деревьев, птиц, рыб и людей. Большое художественное значение имеет также роспись стены Варахшского дворца, вскрытая в 1939 г. Взор зрителя привлекают изображения животных — коня, тигра, оленя и пантеры, а также фигуры охотников, сидящих на слонах. Вооруженные луками и копьями, одетые в короткие штаны и плащи, охотники сражаются с львами, тиграми и фантастическими крылатыми животными.

Высокохудожественная реалистическая трактовка этих изображений заставляет В. А. Шишкина относить Варахшский дворец к V—VII вв. н. э.²

Большие археологические работы были произведены в 1936—1938 гг. и на территории Казахстана — в Джамбульской и Алмаатинской областях, а также в Киргизии — в долинах рек Чу, Большого и Малого Кебина. Особенно следует отметить раскопки древнего города Тараза, находившегося на месте современного Джамбула, на левом берегу р. Таласа. Во время этих раскопок были найдены интересные памятники, относящиеся к V—XV вв. н. э.

Развалины древнего Тараза находятся в центре большого археологического комплекса, отдельные части которого точно соответствуют описаниям персидских, китайских и арабских писателей, в частности географа X в. Макдиси. Здесь можно найти обычные части древнего города Средней Азии (цитадель, собственно город и предместье). Цитадель находилась посередине северной части шахрстана (собственно города), образовывавшего прямоугольник, ориентированный по странам света. Произведенные здесь раскопки дали возможность установить пять культурных слоев: 1) Современный. 2) Слой XIII—XV вв. с предметами древнемонгольского периода, в частности с голубой тимуридской и иранской керамикой. 3) Слой XI—XII вв. н. э. Здесь были найдены фундаментальные сооружения, каменная кладка городского строительства, в частности тротуара, колодцы, арки, вымостки из булыжника, много керамики высокого качества и монеты тюрко-китайские и мусульманские. Из более древнего слоя сюда попали варварское подражание римскому солиду V в. н. э. и форма для терракоты гандхарского типа. 4) Слой VIII—X вв. Вследствие нарушений слоя, вклиниваний более поздних слоев, древних катастроф и перестроек археологическая картина здесь гораздо сложнее. Среди вещей, найденных здесь, следует отметить блюдо с изображением «дерева жизни», керамику, украшенную разнообразными орнаментами, в частности так называемую «согдийскую» керамику, т. е. большие сосуды в виде кувшинов с солярным орнаментом из волот и символов солнца, наконец торгешские монеты VIII в. н. э. Многие из этих вещей указывают на вторую согдийскую колонизацию Семиречья в середине VII века н. э. 5) Слой V—VII вв., характеризующийся отсутствием поливной посуды и множеством терракот и

¹ Григорьев Г. В. Каунчи-Тепе. Ташкент 1940. Е го же. Зороастрийское костехранилище. ВДИ, 1939, № 2.

² Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент 1940. Е го же. Раскопки в Варахша. Искусство, 1939, № 5.

предметов, украшенных объемным орнаментом. Таковы ручка оссуария в виде головы обезьяны, статуэтка лошади, ритуальные предметы с ручками в виде голов птиц, напоминающие бронзовые пряжки-застежки Ханьского времени из Ордоса, что, очевидно, указывает на китайское влияние. Эти последние вещи относятся ко II в. до н. э. и к более позднему времени вплоть до V в. н. э.

Далее, в развалинах Тараза была произведена зачистка северо-восточной башни цитадели, что дало возможность установить три строительных периода. Затем были обнаружены части городского водопровода, состоящего из гончарных труб, лежащих на специальном мягком грунте и в некоторых местах перекрытых каменными плитами. Наконец, была раскопана баня (хамам) XI—XII вв. Здесь были найдены кирпичи с резными гипсовыми украшениями и фресковой росписью, обнаружены следы многокупольной крыши, ниши, корыта, ванны, водосливы и жаропроводящая система под полом и в стенах:

Все эти интереснейшие материалы указывают на то, что древний Тараз, имевший права самостоятельного округа, достиг своего расцвета в Караханидскую эпоху XI—XII вв. н. э.

Главный город целого округа, древний Тараз был окружен остатками поселений разных типов (тепе, турткули, городища). Одно из таких поселений, может быть старый город Джикиль, находилось на месте городища Кош-Тюбе. Весь комплекс найденных здесь вещей, как, например, типичное кочевническое тюркское украшение сбруи, указывает на еще широко распространенный кочевнический быт населения. Дальнейшее обследование таласской долины дало некоторое представление о структуре Таразского округа в древности. Обнаруженные материалы дали возможность говорить о комплексе «города и деревни», о единой и продуманной системе обороны и о связи земледельческого оазиса с кочевым населением. К западу от долины р. Таласа, в районе р. Ассы, уже постепенно исчезают остатки городских поселений. Здесь были обнаружены лишь археологические памятники кочевого быта, стоянки и курганныки сарматского типа первых веков н. э. со всеми характерными чертами культуры ранней поры «великого переселения народов».

Цельный ряд кочевнических погребений был обнаружен в верховьях р. Таласа и в долине р. Кенкол. Здесь было обследовано 220 курганных насыпей, в частности курганы с каменной насыпью I тысячелетия до н. э. Большой интерес представили далее катакомбные захоронения, в которых были найдены деформированные черепа, прекрасная орнаментированная керамика ручной лепки и много деревянной посуды, а также различного вида оружие: стрелы скифского типа, древки от стрел, плетка и костяные обкладки составного лука. Все эти предметы относятся к I в. до н. э. и к первым векам н. э. Весьма возможно, что эти могильники принадлежали северным гуннам. Во всяком случае они отличаются от усуньских и «сарматских» могильников.

Далее, в верховьях р. Таласа, было обнаружено 4 поселения городского типа со всеми составными частями средневековых мусульманских городов (цитадель, шахристан, рабад). В городе Ак-Тюбе был найден водопровод и мощные слои монгольского и послемонгольского периодов. В городище Садыр-Курган был обнаружен слой тимуридской эпохи с монетами Шахрура (XV в.). Судя по всем данным, земледельческий оазис был защищен длинными валами. Это обследование дало возможность отождествить данные городища с географи-

ческими названиями, встречающимися у Макдиси (X в.), и установить торговые связи между городами и кочевниками.

Затем в предгорьях Александровского хребта, к востоку от древнего Тараза, были обследованы курганники с позднекочевническими погребениями (до X в.) и мусульманской подбойной могилой XIV в. н. э. Интересные материалы были получены при раскопках городищ Кулана и Мирки. В Кулане были обнаружены цитадель, шахристан, большой рабад, причем всюду была найдена керамика VIII—X вв. На старой караванной дороге были обследованы остатки караван-сараев (турткулей) и поселений сельского типа, в которых были найдены грубая лепная посуда, зернотерки и кости домашних животных. Обследование огромных развалин Ак-Пешин дало возможность установить, что шахристан был обнесен стеной, рабад имел валы и что весь город был укреплен стенами, башнями, мощными укреплениями ворот и цитаделью. Все эти археологические данные дали богатый материал для истории западнотюркского каганата и для разрешения вопроса о происхождении тюркоязычных народов Киргизии и Казахстана.¹

В 1939 г. было раскопано 44 кургана на огромном могильнике, расположенном на южном берегу оз. Нийли-Куль в Джамбульской области. Обнаруженные материалы прекрасно обрисовали социальную дифференциацию, существовавшую в этой местности в первых веках до и после н. э. Так, в рядовых могилах были найдены скромные предметы местного производства. А в погребениях воинов и знати было обнаружено оружие, богатые наборы бытовых предметов и украшений из ценных металлов, которые порой сработаны с высоким мастерством. Здесь следует отметить привозные вещи, указывающие на торговые связи с Китаем, и богатые украшения, как, например, золотые серьги, фигурные нашивки от одежды, бусы, кольца, поясные бляхи с изображением льва, нефритовую чашку китайской работы, эфес меча, железные и костяные наконечники стрел, металлические зеркала и части глиняной посуды не местной работы.

Ценные материалы дало археологическое обследование Киргизии. У селений Красная Речка и Ак-Пешин были обследованы развалины крупных городских поселений. В долинах рек Чу, Большого и Малого Кебина были обследованы поселения и могильники, в частности могильник тюркского времени (VI—VIII вв. н. э.). Все эти археологические работы дали возможность вскрыть характер древнего заселения края и наметить основные культурные центры.²

Интересные находки были сделаны т. Назаренко в 1939 г. в Казахстане, в Карагалинском ущелье Алмаатинской обл., близ урочища Мынг-Ошакты, на высоте 2300 м. Здесь были найдены кости человека и целый набор золотых предметов (300 штук), в частности длинная золотая полоса; два перстня со скульптурными изображениями верблюдов; бляшки со скульптурными изображениями козлов; серьга, изображающая мышь; бляшки, инкрустированные камнями с ободками зерни; золотые пластинки, изображающие древесный лист, и пр. Особенный интерес представляет золотая полоса, очевидно диадема, украшенная ажурным рисунком, который сделан чеканом. Рисунок, окруженный растительным узором, изображает фантастических зверей, птиц и человека. Все изображения, украшенные инкрустациями, отличаются высоким реалистическим мастерством. Наиболее близкую аналогию к этой вещи мы находим в бронзовом блюде из собрания

¹ Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и в Киргизии. ВДИ, 1939, № 4.

² ВДИ, 1940, № 2, стр. 184—185.

Лео. Мы видим здесь типичный звериный стиль, отражающий культурные влияния эллинистического и сарматского искусства. Судя по эмблемам счастья и благополучия, по символам стихий неба и земли, все эти драгоценности были украшениями богатого шаманского одеяния довольно древнего времени. Очевидно, это местная среднеазиатская вещь, сделанная опытным ювелиром, но все же отражающая сильные культурные влияния Ирана и Китая.¹

Огромное научное значение имеют ценнейшие находки, сделанные в 1933 г. А. А. Фрейманом, А. И. Васильевым и В. А. Воробьевым во время раскопок согдийского замка на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, на расстоянии 3 км от кишлака Хайраба в Таджикистане. Здесь было найдено около 400 предметов вещественной культуры, в том числе ткани, изделия из кожи, гончарные изделия, оружие, бытовые вещи, монеты и 81 документ. Наибольшее значение имеют документы, написанные на арабском, китайском и согдийском языках и относящиеся к первой четверти VIII в. н. э. Это собрание документов дает богатейший материал для изучения согдийского языка и истории Средней Азии этого времени. Советские иранисты уже посвятили этим проблемам ряд работ.²

Наконец, следует отметить раскопки и обширные реставрационные работы памятников эпохи хорезмшахов, времени монгольского завоевания и блестящего века тимуридов. Особенный интерес представляет вскрытие гробницы Тимура в Самарканде и ряда других гробниц этого времени, давшее большой и интересный научный материал. Среди работ, посвященных этой эпохе в истории Средней Азии, следует отметить труды А. Ю. Якубовского и М. Е. Массона.³

Таковы важнейшие результаты историко-археологического изучения Средней Азии за последние 25 лет. Они дают полное право утверждать, что в Средней Азии с древнейших времен жили народы, создавшие своеобразную и порой высокую культуру. Хотя Средняя Азия в географическом отношении находилась на далекой северо-восточной окраине древневосточного мира, однако в историко-культурном отношении она входила в круг великих древневосточных народов, культур и государств, будучи особенно тесно связана с Ираном, Индией и Китаем. Наконец, высокого культурного расцвета достигает Средняя Азия в античную эллинистическую и средневековую феодальную эпохи, когда здесь вырастают величайшие культурные центры, сыгравшие промадную историческую роль. Поэтому дальнейшее изучение древней и средневековой Средней Азии является важнейшей задачей советских историков и археологов, уже сделавших в этом отношении значительный вклад в мировую науку.

¹ Б е р н ш т а м А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карага-линке. Кратк. сообщ. ИИМК, Москва 1940, вып. 5.

² Согдийский сборник. Ленинград 1934.

³ Я к у б о в с к и й А. Ю. Развалины Ургенча. Ленинград 1930. Е г о ж е. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Ленинград 1933. М а с с о н М. Е. Обсерватория Улугбека. Ташкент 1941.

